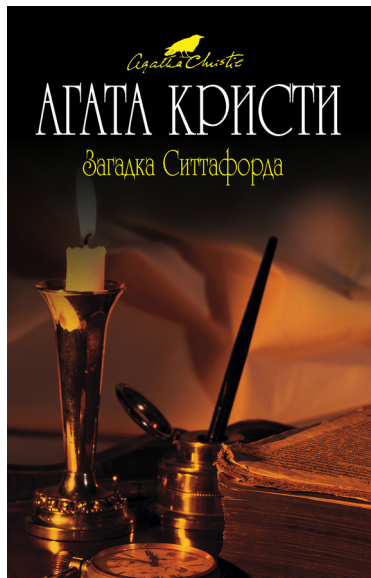

Агата Кристи Загадка Ситтафорда

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121967
Загадка Ситтафорда: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-30898-9*

Аннотация

Кому понадобилась смерть тихого отставного военного, никому не делавшего зла и на досуге составлявшего кроссворды? Как получилось, что это убийство было предсказано во время спиритического сеанса, со скуки устроенного группой молодых людей? Кто все-таки сможет разгадать сложнейшую «Загадку Ситтафорда»?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Агата Кристи

Загадка Ситтафорда

Глава 1

Ситтафорд-хаус

Майор Барнэби натянул сапоги, застегнул поплотнее ворот шинели и взял с полки у выхода штормовой фонарь. Он осторожно отворил дверь своего маленького бунгало¹ и выглянул наружу.

Картина, представшая перед ним, была типичным английским пейзажем, как его изображают на рождественских открытках или в старомодных мелодрамах. Повсюду лежал снег – глубокие сугробы, не просто снежок в дюйм-два толщиной. Снег шел по всей Англии в течение четырех дней, и тут, на краю Дартмура², покров его достиг нескольких футов. По всей Англии домовладельцы жаловались на лопнувшие трубы, и иметь знакомого водопроводчика – или даже кого-нибудь знакомого с водопроводчиком – было самой завидной привилегией.

Здесь, в крошечном селении Ситтафорд, и всегда-то далеко от мира, а сейчас почти полностью отрезанном от него, зима стала довольно серьезной проблемой.

Однако майор Барнэби был невозмутим. Пару раз хмыкнув и разок ругнувшись, он решительно шагнул в снег.

Путь его был недалек: несколько шагов по извилистой тропке, потом – в ворота и вверх по дорожке, уже частично расчищенной от снега, к внушительных размеров дому из гранита.

Ему открыла опрятная горничная. Она приняла у майора его шинель, сапоги и почтенного возраста шарф.

Двери были распахнуты настежь, и он прошел в комнату, которая как-то неуловимо преобразилась.

Хотя еще едва минуло половина четвертого, занавеси были задернуты, горело электричество, а в камине вовсю пылал огонь. Две нарядно одетые женщины вышли навстречу старому вояке.

– Майор Барнэби! Как хорошо, что вы к нам зашли, – сказала старшая из них.

– Да что вы, миссис Уиллет, что вы! Вам спасибо за приглашение. – И он обеим пожал руки.

– Мистер Гарфилд собирается прийти, – продолжала миссис Уиллет, – и мистер Дюк, и мистер Рикрофт сказал, что придет, но вряд ли мы дождемся его: возраст, да еще такая погода. Она уж слишком отвратительна! Чувствуешь себя просто *обязанной* предпринять что-либо, чтобы взбодриться. Виолетта, подбрось еще полешко в огонь.

Майор галантно поднялся выполнить просьбу:

– Позвольте мне, мисс Виолетта.

Он со знанием дела подложил дров и снова сел в определенное ему хозяйкой кресло. Стараясь не показывать виду, он бросал быстрые взгляды по сторонам. Удивительно, как две женщины могут изменить облик комнаты, даже не совершив ничего такого, на что можно бы указать пальцем.

¹ Бунгало – небольшой дом на одну семью.

² Дартмур – холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии в графстве Девоншир.

Ситтафорд-хаус был построен десять лет назад капитаном в отставке Джозефом Тревилльяном по случаю его ухода с флота. Человеком он был состоятельным и сильно привязанным к Дартмуру. Он остановил свой выбор на маленьком местечке Ситтафорд. Расположено оно было не в долине, как большинство деревень и ферм, а на краю болота, недалеко от ситтафордского маяка. Он купил большой участок земли и выстроил дом со всеми удобствами, с собственной электростанцией и электронасосом, чтобы не вручную качать воду. Затем, для извлечения дохода, построил шесть маленьких бунгало вдоль дороги, каждое на четверти акра земли.

Первое, у самых ворот, было предназначено старому другу и товарищу капитана Джону Барнэби, остальные постепенно были проданы тем, кто по необходимости или по доброй воле хотел жить практически вне мира. Само селение состояло из живописных, но обветшалых коттеджей, кузницы и расположенных в одном здании почты и кондитерской. До ближайшего города Экземптона было шесть миль, и на крутом спуске пришлось устанавливать столь часто встречающийся на дорогах Дартмура знак: «Водитель, будь осторожен, сбавь скорость!»

Капитан Тревилльян, как уже упоминалось, был человеком с достатком. Несмотря на это или, может быть, именно из-за этого, он чрезвычайно любил деньги. В конце октября агент по найму и продаже недвижимости в Экземптоне письменно запросил его, не хочет ли он сдать Ситтафорд-хаус: есть желающие снять дом на зиму.

Сначала капитан решил было отказать, но, поразмыслив, затребовал более подробную информацию. Оказалось, домом интересуется некая миссис Уиллет, вдова, с дочерью. Они недавно приехали из Южной Африки, и им был нужен на зиму дом в Дартмуре.

— Черт бы их всех подрал, женщина, должно быть, не в себе! — сказал капитан Тревилльян. — Ну, Барнэби, ты-то что думаешь?

Барнэби думал то же самое и выразился на этот счет с таким же чувством, как и его друг.

— Ты же все равно не собираешься сдавать, — сказал он. — Пусть эта дура отправляется куда-нибудь в другое место, если ей охота померзнуть. И это после Южной-то Африки!

Но тут в капитане Тревилльяне заговорила любовь к деньгам. И шанса из ста не представляется сдать дом посреди зимы. Он поинтересовался, сколько будут платить.

Предложение платить двенадцать гиней³ в неделю решило дело. Капитан Тревилльян поехал в Экземптон, снял там маленький дом на окраине за две гиней в неделю и передал Ситтафорд-хаус миссис Уиллет, затребовав вперед половину арендной платы.

— Дуракам закон не писан, — пробормотал он.

Однако Барнэби, взглянув сегодня украдкой на миссис Уиллет, подумал, что она не похожа на дуру. Эта высокая женщина с довольно несуразными манерами, судя по лицу, была скорее хитра, чем глупа. Она, по-видимому, любила наряжаться и говорила с колониальным акцентом. Казалось, она совершенно удовлетворена сделкой. Несомненно, дела ее обстояли благополучно, и от этого, как не раз отметил Барнэби, сделка казалась еще более странной. Она не относилась к тем женщинам, которые бы с радостью заплатили за уединение.

Как соседка она оказалась на удивление приветлива. Приглашения посетить Ситтафорд-хаус раздавались направо и налево. Капитану Тревилльяну постоянно говорилось: «Считайте, что мы и не снимали у вас дома». Однако Тревилльян слыл женоненавистником. Поговаривали, что в юные годы он был отвергнут. Он упорно не отвечал на приглашения.

Прошло два месяца, как поселились Уиллеты, и возбуждение, вызванное их появлением, прошло.

³ Гиней — денежная единица, равная 21 шиллингу. Применялась до 1971 года. До 1813 года монета в одну гинейю чеканилась из золота, привозимого из Гвинеи, откуда название.

Барнэби, по натуре молчаливый, совершенно забыл о необходимости поддерживать беседу – он продолжал изучать хозяйку. «Прикидывается простушкой, а сама не проста», – таково было его заключение. Взгляд его остановился на Виолетте Уиллет. Хорошенькая, тощая, конечно, да все они теперь такие. Ну что хорошего в женщине, которая не похожа на женщину? Газеты пишут, причуды моды повторяются, как витки спирали, времена тоже... Он заставил себя включиться в беседу.

– Мы боялись, что вы не сможете прийти, – сказала миссис Уиллет. – Помните, вы говорили, что не сможете? Мы так обрадовались, когда вы сказали, что все-таки придете.

– Пятница, – доверительно сказал майор Барнэби.

Миссис Уиллет была озадачена:

– Пятница?

– По пятницам я хожу к Тревилльяну. По вторникам он приходит ко мне. И так уже много лет.

– А! Понимаю. Конечно, живя так близко...

– Своего рода привычка.

– И до сих пор? Он ведь живет теперь в Экземптоне...

– Жалко расставаться с привычками, – сказал майор Барнэби. – Нам бы очень не хватало этих вечеров.

– Вы, кажется, участвуете в конкурсах? – спросила Виолетта. – Акростиhi⁴, кроссворды и прочие штуки.

Барнэби кивнул:

– Я занимаюсь кроссвордами. Тревилльян – акростихами. Каждому – свое. – И, не удержавшись, добавил: – В прошлом месяце я получил приз за кроссворды – три книжки.

– О, в самом деле? Вот замечательно. Интересные книжки?

– Не знаю. Не читал. По виду не скажешь.

– Главное, что вы их выиграли, не так ли? – рассеянно сказала миссис Уиллет.

– Как вы добираетесь до Экземптона? – спросила Виолетта. – У вас ведь нет машины.

– Пешком.

– Как? Неужели? Шесть миль.

– Хорошее упражнение. Что такое двенадцать миль? Быть в форме – великая вещь.

– Представить только! Двенадцать миль! Но вы с капитаном Тревилльяном, кажется, были хорошими спортсменами?

– Бывало, ездили вместе в Швейцарию. Зимой – зимние виды спорта, летом – прогулки. Тревилльян был замечателен на льду. Теперь куда нам!

– Вы ведь были чемпионом армии по теннису? – спросила Виолетта.

Барнэби покраснел, как девица.

– Кто это вам сказал? – пробурчал он.

– Капитан Тревилльян.

– Джо следовало бы помалкивать, – сказал Барнэби. – Слишком много болтает. Как там с погодой?

Чувствуя, что он смущен, Виолетта подошла за ним к окну. Они отодвинули занавесь. За окном было уныло.

– Скоро опять пойдет снег, – сказал Барнэби. – И довольно сильный.

– Ой, как я рада! – воскликнула Виолетта. – Я считаю, что снег – это так романтично. Я его никогда раньше не видела.

– Какая же это романтика, если замерзают трубы, глупышка! – сказала мать.

⁴ *Акростиx* – стихотворение, в котором начальные буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, образуют какое-либо слово или фразу.

– Вы всю жизнь прожили в Южной Африке, мисс Уиллет? – спросил майор Барнэби. Оживление исчезло, девушка ответила, будто смутившись:

– Да, я в первый раз уехала оттуда. И все это ужасно интересно.

Интересно быть запертой в деревне среди болот? Смешно. Он никак не мог понять этих людей.

Дверь отворилась, и горничная объявила:

– Мистер Рикрофт и мистер Гарфилд.

Вошел маленький сухой старик, за ним румяный энергичный юноша. Юноша заговорил первым:

– Я взял его с собой, миссис Уиллет. Сказал, что не дам умереть в сугробе. Ха, ха! Я вижу, тут у вас – как в сказке. Рождественский огонь в камине.

– Да, мой юный друг был столь любезен, что проводил меня к вам, – сказал мистер Рикрофт, церемонно здороваясь за руку. – Как поживаете, мисс Уиллет? Подходящая погода. Боюсь, даже слишком.

Он направился к камину побеседовать с миссис Уиллет. Рональд Гарфилд принялся болтать с Виолеттой.

– Послушайте, здесь негде покататься на коньках? Нет поблизости прудов?

– Я думаю, единственным развлечением для вас будет чистка дорожек.

– Занимался этим все утро.

– О! Вот это мужчина!

– Не смейтесь, у меня все руки в мозолях.

– Как ваша тетушка?

– А все так же. То лучше, говорит, то хуже. По-моему, все одно. Паршивая жизнь, понимаете. Каждый год удивляюсь, как это я выдерживаю. Так куда денешься! Не заедешь к старой ведьме на Рождество, ну и жди, что оставит деньги кошачьему приюту. У нее их пять штук. Всегда глажу этих тварей, делаю вид, что без ума от них.

– Я больше люблю собак.

– Я тоже. Как ни поверни. Я что имею в виду: собака – это... ну, собака есть собака. Понимаете?

– Ваша тетя всегда любила кошек?

– Я считаю, что этим увлекаются все старые девы. У-у, гады, терпеть не могу!

– У вас замечательная тетя, но я ее очень боюсь.

– Понимаю, как никто другой. Снимает с меня стружку. Считает меня безмозглым.

– Да что вы?..

– Ой, да не ужасайтесь вы так сильно. Многие парни выглядят дурачками, а сами в душе только посмеиваются.

– Мистер Дюк, – объявила горничная.

Мистер Дюк появился здесь недавно. Он купил последнее из шести бунгало в сентябре. Этот крупный спокойный мужчина увлекался садоводством. Мистер Рикрофт, который жил рядом с ним и был любителем птиц, взял его под свое покровительство. Он был из тех, кто утверждал, что мистер Дюк, несомненно, очень хороший человек, без претензий. А впрочем, так ли это? Почему бы и нет, он был раньше по торговой части, кто знает?..

Но никто не собирался его расспрашивать. Ведь, зная лишнее, ощущаешь неловкость, и в такой небольшой компании это, конечно же, все хорошо понимали.

– Не идете в Экземптон по такой погоде? – спросил он майора Барнэби.

– Нет. Да и Тревилльян вряд ли ждет меня сегодня.

– Ужасно, не правда ли? – с содроганием произнесла миссис Уиллет. – Быть погребенным здесь, и так из года в год – как это страшно!

Мистер Дюк бросил на нее быстрый взгляд. Майор Барнэби тоже посмотрел с любопытством.

Но в этот момент подали чай.

Глава 2

Известие

После чая миссис Уиллет предложила партию в бридж.

– Нас шестеро, двое могут примазаться.

У Ронни заблестели глаза.

– Вы вчетвером и начинайте, а мы с мисс Уиллет присоединимся потом.

Но мистер Дюк сказал, что не играет в бридж.

Ронни помрачнел.

– Давайте выберем такую игру, в которой все примут участие, – предложила миссис Уиллет.

– Или устроим сеанс спиритизма, – сказал Ронни. – Сегодня подходящий вечер. Помните, мы на днях говорили о привидениях? Мы с мистером Рикрофтом вспомнили об этом сегодня по дороге сюда.

– Я член Общества психических исследований⁵, – объяснил мистер Рикрофт, который во всем любил точность. – Мне удалось убедить молодого человека по одному или по двум пунктам.

– Чушь собачья, – отчетливо произнес майор Барнэби.

– Но это очень забавно, правда? – сказала Виолетта Уиллет. – То есть я хочу сказать, что никто в это или во что-то подобное не верит. Это просто развлечение. А вы что скажете, мистер Дюк?

– Как вам будет угодно, мисс Уиллет.

– Свет надо выключить, найти подходящий стол. Нет, нет, не этот, мама. Уверена, этот слишком тяжел.

Наконец, ко всеобщему удовольствию, все было приготовлено. Маленький круглый полированный стол был принесен из соседней комнаты. Его поставили перед камином, и все расселись. Свет выключили.

Майор Барнэби оказался между хозяйкой и Виолеттой. С другой стороны рядом с девушкой сидел Ронни Гарфилд. Циничная усмешка тронула губы майора.

Он подумал: «В юные годы это называлось у нас „Ап Дженкинс“». И попытался вспомнить имя девушки с мягкими пушистыми волосами, руку которой он долго продержал под столом. Да, хорошая игра была «Ап Дженкинс».

И вот пошли смешки, перешептывания, посыпались незамысловатые шуточки:

– Далёко духи.

– Долго им добираться.

– Перестаньте. Ничего не получится, если мы не будем серьезными.

– Ну, пожалуйста, успокойтесь.

– Конечно же, сразу ничего не получится.

– Когда вы только угомонитесь?

Через некоторое время шепот и разговоры смолкли.

– Никакого результата, – с негодованием заворчал Ронни Гарфилд.

– Замолчите.

Крышка стола задрожала. Стол начал качаться.

– Задавайте ему вопросы. Кто будет говорить? Ронни, давайте.

– Э-э, послушайте... что же мне его спрашивать?

⁵ Общество для исследования психических явлений. Основано в 1882 году, существует поныне.

– Дух здесь? – подсказала Виолетта.

– Эй, дух здесь?

Резкое покачивание.

– Значит, «да», – прокомментировала Виолетта.

– Э-э, кто вы?

Ответа нет.

– Попросите, чтобы он сказал свое имя по буквам, – подсказала Виолетта.

– Как это?

– Мы будем считать качания.

– Мгм, понятно. Пожалуйста, скажите свое имя по буквам.

Стол стал сильно качаться.

– А... Б... В... Г... Д... И... Послушайте, это И или Й?

– Спросите его: это И?

Одно качание.

– Да. Следующую букву, пожалуйста.

Имя духа было Ида.

– У вас есть для кого-нибудь из нас сообщение?

– Да.

– Для кого? Для мисс Уиллет?

– Нет.

– Для миссис Уиллет?

– Нет.

– Для мистера Рикрофта?

– Нет.

– Для меня?

– Да.

– Дух с вами хочет говорить, Ронни. Продолжайте и попросите сказать по буквам.

Стол сказал по буквам: ДИАНА.

– Кто такая Диана? Вы знаете кого-нибудь по имени Диана?

– Не знаю. По крайней мере...

– Смотрите. Он знает.

– Спросите ее, это вдова?

Забава продолжалась. Мистер Рикрофт снисходительно улыбался. Пусть молодежь веселится. В яркой вспышке пламени он увидел лицо хозяйки. Какая-то забота была на нем, отрешенность. И кто знает, где были ее мысли?

Майор Барнэби размышлял о снеге. К вечеру опять собирается снег. Он еще не помнил такой суровой зимы.

Мистер Дюк подошел к игре серьезно. Духи, увы, к нему не обращались. Видно, сообщения у них были только для Виолетты и Ронни.

Виолетте было сказано, что она поедет в Италию. И кто-то поедет с ней. Не женщина. Мужчина. По имени Леонард.

Опять засмеялись. Стол назвал и город. Русское сочетание букв – ничего похожего на итальянский.

Пошли обычные обвинения.

– Виолетта! (Мисс Уиллет вздрогнула.) Это вы толкаете!

– Нет. Смотрите, я убираю руки со стола, а он продолжает качаться.

– Я предпочитаю стук. Я хочу попросить его постучать. Громко.

– Должен быть стук. – Ронни повернулся к мистеру Рикрофту: – Обязательно должен быть стук, не так ли, сэр?

– В зависимости от обстоятельств. Вряд ли это у нас получится, – сухо заметил мистер Рикрофт.

Наступила пауза. Стол не двигался. Он не реагировал на вопросы.

– Ида ушла?

Один вялый наклон.

– Вызываем другого духа!

Ничего...

И вдруг стол задвигался и стал сильно качаться.

– Ура! Это новый дух?

– Да.

– Вы хотите что-то сказать?

– Да.

– Мне?

– Нет.

– Виолетте?

– Нет.

– Майору Барнэби?

– Да.

– Майор Барнэби, к вам обращается. Пожалуйста, по буквам.

Стол начал медленно качаться.

– Т... Р... Е... В... Вы уверены, что это В? Не может быть. Трев... – бессмыслица какая-то.

– Тревилян, наверное, – сказала миссис Уиллет. – Капитан Тревилян.

– Речь идет о капитане Тревиляне?

– Да.

– Известие для капитана Тревиляна?

– Нет.

– Тогда что же?

Стол начал медленно, ритмично качаться. Так медленно, что было очень легко высчитывать буквы.

– М... (Пауза.) Е... Р... Т... В...

– Мертв.

– Кто-то умер?

Вместо «да» или «нет» стол снова закачался, пока не дошел до буквы Т.

– Т... – это Тревилян?

– Да.

– Это что же? Тревилян умер?

Очень резкий наклон.

– Да.

Кое у кого перехватило дыхание. За столом произошло легкое замешательство. Голос Ронни, когда он повторял свой вопрос, прозвучал на другой ноте – ноте страха и благоговения.

– Вы хотите сказать... капитан Тревилян умер?..

– Да.

Наступило молчание.

И в тишине стол закачался снова.

Медленно и ритмично Ронни произносил букву за буквой:

– У... Б... И... Й... С... Т... В... О...

Миссис Уиллет вскрикнула и отдернула от стола руки:

– Это ужасно! Я больше не хочу!

Раздался голос мистера Дюка. Он задал вопрос:

– Вы хотите сказать, что капитан Тревилльян убит?

Едва он произнес последнее слово, как тут же последовал ответ. Стол качнулся так сильно, что чуть не опрокинулся. Только один раз.

– Да.

– Знаете ли, – сказал Ронни, убирая руки со стола, – по-моему, это глупые шутки. – Голос у него дрожал.

– Зажгите свет, – попросил мистер Рикрофт.

Майор Барнэби встал и зажег свет. Все сидели с бледными вытянутыми лицами и недоуменно смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

– Все это, конечно, чушь, – неловко усмехнувшись, произнес Ронни.

– Глупость, бессмыслица, – сказала миссис Уиллет. – Нельзя устраивать такие шутки.

– О смерти... – сказала Виолетта. – Нет, нет, это не для меня.

– Я не толкал, – сказал Ронни, чувствуя немой упрек в свой адрес. – Клянусь.

– То же самое могу сказать я, – присоединился мистер Дюк. – А вы, мистер Рикрофт?

– никоим образом, – вкрадчиво произнес мистер Рикрофт.

– Ну уж не думаете же вы, что я способен устраивать подобные шутки? – прорычал майор Барнэби. – Возмутительное безобразие.

– Виолетта, дорогая...

– Нет, нет, мама. Ни в коем случае. Я бы никогда не могла себе такое позволить.

Девушка чуть не плакала.

Все были смущены. Веселье сменилось неожиданным унынием.

Майор Барнэби резко отодвинул стул, подошел к окну и приоткрыл занавесь. Он стоял ко всем спиной.

– Двадцать пять минут шестого, – сказал мистер Рикрофт, взглянув на настенные часы. Он сверил их со своими, и все как-то ощутили значительность момента.

– Ну-с, – произнесла миссис Уиллет с напускной веселостью, – я думаю, нам надо выпить по коктейлю. Нажмите кнопку, мистер Гарфилд.

Внесли все необходимое для коктейлей. Ронни доверили их смешивать. Атмосфера немного разрядилась.

– Итак, – сказал Ронни, поднимая стакан, – выпьем!

Остальные присоединились. Все, за исключением молчаливой фигуры у окна.

– Майор Барнэби! Ваш коктейль.

Майор вздрогнул, медленно повернулся.

– Спасибо, миссис Уиллет. Не буду. – Он еще раз посмотрел в окно, в темноту, затем вернулся к сидящим у камина: – Премного благодарен за приятное времяпрепровождение. Спокойной ночи.

– Неужели вы собрались уходить?

– Боюсь, что надо.

– Так рано, да еще в такой вечер!

– Простите, миссис Уиллет... но это необходимо. Вот если бы телефон...

– Телефон?

– Да... если говорить прямо, я... мне бы хотелось... надо бы удостовериться, что с Джо Тревилльяном все в порядке. Естественно, я не верю этой дурацкой чепухе, глупое суеверие и так далее... Но все-таки...

– Но ведь во всем Ситтафорде нет телефонов, вам неоткуда здесь позвонить.

– Вот именно. Раз нет телефонов, то и приходится отправляться.

– Отправляться!.. Да ни одна машина не пройдет по такой дороге! Элмер не поедет в такую погоду.

Элмер был единственным обладателем автомобиля в округе. У него был старый «Форд». Его нанимали за довольно высокую плату те, кому нужно было добраться до Экземптона.

– Нет, нет, никаких машин, миссис Уиллет. Я на своих двоих.

Все зашумели.

– Майор Барнэби, это же *невозможно*! Вы сами говорили, что вот-вот пойдет снег.

– Это через час-полтора. Доберусь, ничего страшного.

– Да что вы! Мы вас никуда не пустим.

Миссис Уиллет не на шутку встревожилась и расстроилась.

Доводы и уговоры не помогли. Майор Барнэби был непоколебим, как скала. Он был упрям, и, если уж принимал решение, никакие силы не могли заставить изменить его.

Он решил пойти пешком в Экземптон и убедиться, что его друг цел и невредим. И он повторил это чуть не десять раз.

В конце концов им пришлось уступить. Он надел свою шинель, зажег штормовой фонарь и шагнул в ночь.

– Забегу домой за фляжкой, – бодро сказал он, – а потом напрямик туда. Тревилян оставит меня на ночь. Уверен, напрасно переполошились. Наверняка все в порядке. Не волнуйтесь, миссис Уиллет, снег не снег, я там буду через два часа. Спокойной ночи.

Он ушел. Остальные вернулись к огню.

Рикрофт посмотрел на небо.

– А снег все-таки *собирается*, – пробурчал он мистеру Дюку. – И пойдет он гораздо раньше, чем майор доберется до Экземптона. Дай бог, чтобы все с ним было в порядке.

Дюк нахмурился:

– Да, да. Чувствую, надо было мне пойти с ним. Кому-то надо было с ним пойти.

– Я так боюсь, Виолетта, – сказала миссис Уиллет. – Чтобы я еще когда-нибудь занялась этой ерундой! Боже мой, а если майор Барнэби провалится в сугроб или замерзнет! В его возрасте неразумно так поступать. А с капитаном Тревиляном наверняка ничего не случилось.

И словно, эхо все подтвердили:

– Наверняка.

Но и теперь они продолжали чувствовать некоторую неловкость. А если все-таки что-то *случилось* с капитаном Тревиляном?

Если...

Глава 3

Пять – пять двадцать

Два с половиной часа спустя, почти в восемь часов, майор Барнэби, со штормовым фонарем в руках, наклонив голову навстречу слепящей метели, пробился к дорожке, ведущей к дверям «Орешников», маленького дома, который снимал капитан Тревилльян.

Примерно с час назад огромными белыми хлопьями повалил снег. Майор Барнэби запыхался – это была тяжелая одышка вконец утомленного человека. От холода он окоченел. Потопав ногами и отдышавшись со свистом, он приложил неслгибающийся палец к кнопке.

Раздался пронзительный звонок.

Барнэби подождал. Прошло несколько минут, никто не ответил. Он снова нажал кнопку.

Опять никаких признаков жизни.

Барнэби в третий раз позвонил. На этот раз не отрывая пальца от кнопки.

Звонок звенел, а в доме все никто не отзывался.

На двери висело кольцо. Майор забарабанил им, загрохотал.

В маленьком доме сохранялась гробовая тишина.

Майор задумался, потоптался в нерешительности, потом медленно отправился за калитку. Он вышел на дорогу, которая привела его в Экземптон. Сотня ярдов – и он у небольшого полицейского участка.

Минутное колебание, наконец он решился и вошел.

Констебль Грейвз, прекрасно знавший майора, привстал от изумления.

– Господи, сэр, в такое время!

– Вот что, – перебил его Барнэби. – Я стучал и звонил капитану, но в доме никто не отозвался.

– Ничего удивительного, сегодня пятница. Уж не хотите ли вы сказать, что в такой вечер пришли из Ситтафорда? – спросил Грейвз, хорошо знавший привычки друзей. – Конечно, капитан и не думал вас ждать.

– Ждал он меня или нет, я пришел, – вспыхнул Барнэби. – И, как уже сообщил, не мог попасть в дом. Звонил, стучал – никто не отвечает.

Какая-то тревога, казалось, передалась и полицейскому.

– Странно, – нахмурился он.

– Конечно, странно, – подтвердил Барнэби.

– Я думаю, вряд ли он ушел куда-нибудь в такой вечер.

– Конечно, вряд ли ушел.

– Действительно странно, – снова сказал Грейвз.

Барнэби раздражала его медлительность.

– Вы собираетесь что-нибудь предпринять? – резко спросил он.

– Что-нибудь предпринять?

– Да, что-нибудь предпринять.

Полицейский задумался:

– Вы полагаете, с ним что-то стряслось? – Лицо его прояснилось. – Попробую позвонить.

Телефон был у него под рукой, он снял трубку и назвал номер.

Но и на телефонный звонок, как и на звонок в дверь, капитан не отвечал.

– Похоже, с ним все-таки что-то стряслось, – сказал он, положив трубку. – И совершенно один в доме. Надо бы захватить с собой доктора Уоррена.

Дом доктора Уоррена был в двух шагах от полицейского участка. Доктор с женой только сел обедать и не очень-то обрадовался вызову. Однако, поворчав, согласился отправиться с ними, надел старую шинель, сапоги и замотал шею вязаным шарфом.

Снегопад продолжался.

– Чертова погода! – бурчал доктор. – И что это вообще за сумасбродство! Тревилян здоров как бык. Никогда ни на что не жаловался.

Барнэби молчал.

Добравшись до «Орешников», они снова звонили, стучали, но ничего не добились.

Тогда доктор предложил подойти к дому с другой стороны, к одному из окон:

– Легче взломать, чем дверь.

Грейвз согласился, и они зашли с тыла. По дороге они попытались открыть боковую дверь, но она тоже была заперта, и они прошли на заснеженную лужайку под окнами. Вдруг Уоррен изумленно вскрикнул:

– Окно кабинета открыто!

И верно, окно, французское окно⁶, было открыто. Свет из комнаты падал тонким желтым лучом. Кому придет в голову открывать окно в такой вечер? Они ускорили шаг.

Трое мужчин одновременно достигли окна. Барнэби зашел первым, констебль – следом за ним.

Войдя, они так и замерли, а бывший солдат издал какой-то сдавленный звук. В следующий момент рядом был Уоррен и увидел то, что видели они.

Капитан Тревилян лежал на полу лицом вниз. Руки широко раскинуты. Комната была в беспорядке: ящики бюро выдвинуты, бумаги разбросаны по полу. Окно было расщеплено в том месте, где его взламывали, у замка. Около капитана Тревиляна лежал рулон зеленого сукна дюйма два толщиной.

Уоррен бросился вперед. Встал на колени перед распростертым телом.

Минуты было довольно. Он поднялся, лицо его побледнело.

– Мертв? – спросил Барнэби.

Доктор кивнул. Потом он повернулся к Грейвзу:

– Теперь вам решать, что делать. Мне остается только заняться трупом, да и с этим лучше подождать до прихода инспектора. Причину смерти я могу сообщить и сейчас: перелом основания черепа. Думаю, не ошибусь и в оружии. – Он показал на рулон зеленого сукна.

– Тревилян всегда подпирал им двери от сквозняков, – сказал Барнэби, голос у него был хриплый.

– Да... своего рода мешок с песком... и весьма эффективен.

– Боже мой!

– Так что же тут?... – вмешался констебль, суть дела начинала доходить до него. – Вы считаете, убийство?

Полицейский подошел к столу, где стоял телефон.

Майор Барнэби приблизился к доктору.

– У вас есть какие-нибудь предположения? – спросил он, тяжело дыша. – Давно он убит?

– Часа два назад, а возможно, и три. Это примерно.

Барнэби провел языком по сухим губам.

– А можно сказать, – спросил он, – что его убили в пять – пять двадцать?

Доктор с интересом посмотрел на него.

– Если уж говорить поточнее, да, что-то, пожалуй, около этого.

– Господи боже мой! – произнес Барнэби.

⁶ Доходящее до пола двустворчатое окно.

Уоррен уставился на него.

Майор ощупью, словно слепой, добрался до стула, неловко уселся на него и с застывшим от ужаса лицом забормотал себе под нос:

– *Между пятью и пятью двадцатью...* Господи боже мой, ведь все это оказалось правдой!..

Глава 4

Инспектор Нарракот

На следующее утро в маленьком кабинете «Орешников» стояли двое.

Один из них, инспектор Нарракот, осмотрелся, слегка нахмурился.

– Да-а, – задумчиво произнес он. – Да-а.

Удача часто сопутствовала инспектору. Он обладал выдержкой, рассуждал логически и уделял особое внимание деталям, что приводило его к успеху там, где другие, может быть, ничего бы и не добились.

Это был высокий неторопливый человек с задумчивым взглядом серых глаз и медлительным мягким девонширским выговором.

Его вызвали из Эксетера специально по этому делу, и он прибыл утром на первом поезде. Машины, даже с цепями, не могли преодолеть заносов, а то бы он был здесь уже вчера. И вот он в кабинете Тревиляна. Только что завершил обследование. С ним был полицейский из Экземптона, сержант Поллак.

– Да-а, – сказал инспектор Нарракот.

За окном светило бледное зимнее солнце. Лежал снег. В ста ярдах от окна был забор, за ним крутой склон покрытого снегом холма.

Инспектор Нарракот еще раз наклонился над телом, которое ему оставили для осмотра. Будучи сам не чужд спорта, он отметил атлетическое сложение, широкие плечи, узкие бедра и развитую мускулатуру. Голова небольшая, острая морская борода аккуратно подстрижена. Он определил, что капитану было шестьдесят лет, хотя на вид больше пятидесяти одного – пятидесяти двух ему было не дать.

– О-о! – произнес сержант Поллак.

Инспектор повернулся к нему:

– Что это вы там увидели?

– Что? – Сержант Поллак почесал в затылке; он был человеком осторожным и не любил без надобности забегать вперед. – Да вот что... – сказал он, – как я понимаю, сэр, человек подошел к окну, сломал запор и принялся шарить по комнате. Капитан Тревилян, я полагаю, находился наверху. Несомненно, взломщик думал, что дом пуст...

– Где расположена спальня капитана Тревиляна?

– Наверху, сэр, над этой комнатой.

– В это время года в четыре часа уже темно. Если бы капитан Тревилян был наверху в своей спальне, там бы горело электричество, взломщик бы увидел свет, когда подходил к окну.

– Вы думаете, он бы дожидался...

– Ни один нормальный человек не станет ломиться в освещенный дом. Если кто-то взломал окно, он сделал это потому, что считал, что дом пуст.

Сержант Поллак почесал в затылке.

– Это немного странно, я согласен. Но это так.

– Что ж, давайте на минуту допустим это. Продолжайте.

– Итак, предположим, что капитан Тревилян слышит внизу шум. Он спускается, чтобы узнать, в чем дело. Грабитель слышит, как он спускается. Он хватает эту штуковину вроде валика, прячется за дверь и, когда капитан входит в комнату, ударяет его сзади.

Инспектор Нарракот кивнул:

– Да, это похоже на правду. Его ударили, когда он был лицом к окну. Но все-таки, Поллак, мне это не нравится.

- Не нравится, сэр?
- Нет. Я уже говорил, что не верю во взломы домов, которые происходят в пять часов вечера.
- Ну а допустим, ему представился удобный случай...
- Какой же случай – забрался, потому что увидел, что окно не заперто на задвижку? Но мы же имеем дело с преднамеренным взломом. Посмотрите на беспорядок повсюду. Куда бы отправился грабитель в первую очередь? В буфетную, где держат серебро.
- Что ж, пожалуй, вы правы, – согласился сержант.
- А беспорядок, этот хаос, – продолжал Нарракот, – выдвинутые ящики, перевернутое содержимое их? Ба-а! Чепуха это все...
- Чепуха?
- Посмотрите на окно, сержант. Окно не было закрыто, и, значит, его не взламывали! Оно было просто прикрыто. Тут лишь пытались создать впечатление взлома.
- Поллак тщательно обследовал задвижку, удивленно хмыкая при этом.
- Вы правы, сэр, – с уважением в голосе заключил он. – Кто бы мог сейчас догадаться!
- Нам хотели пустить пыль в глаза – не получилось.
- Сержант Поллак был благодарен за это «нам». Подобными мелочами инспектор Нарракот достигал расположения подчиненных.
- Тогда это не ограбление. Вы считаете, сэр, что это совершил кто-нибудь из своих?
- Нарракот кивнул.
- Да, – сказал он. – Хотя самое любопытное, что убийца, я полагаю, все-таки проник через окно. Как доложили вы и Грейвз и насколько я могу еще видеть сам, здесь есть влажные пятна – снег был занесен на ботинках убийцы. Следы только в этой комнате. Констебль Грейвз совершенно уверен, что ничего подобного не было в холле, когда он проходил там с доктором Уорреном. В этой комнате он заметил следы сразу. Тогда выходит, что убийцу впустил через окно капитан Тревилян. Следовательно, это был кто-то знакомый ему. Сержант, вы здешний, скажите, капитан Тревилян не из тех людей, что скоро наживают себе врагов?
- Нет, сэр, я бы сказал, что у него и в целом мире не нашлось бы врага. Пожалуй, был падок на деньги, немного педант, терпеть не мог нерых и невеж, но, боже упаси, его уважали за это.
- Никаких врагов, – задумчиво произнес Нарракот.
- То есть никаких здесь.
- Совершенно верно, мы не знаем, каких врагов он мог нажить во время морской службы. По опыту знаю, сержант, что человек, который имел врагов в одном месте, приобретает их и в другом, и я согласен, что нам не следует совершенно исключать такую возможность. Теперь мы логически подошли к следующему, самому обычному, мотиву любого преступления – нажива. Тревилян был, как я понимаю, богатым человеком?
- Говорят, очень богатым. Но скупым. У него трудно было раздобыть денег.
- Так-так, – задумчиво сказал Нарракот.
- Жаль, что шел снег, – заметил сержант. – Он замел все следы...
- Больше никого не было в доме? – спросил инспектор.
- Нет. Последние пять лет у капитана Тревиляна был только один слуга, знакомый ему бывший моряк. Когда он жил в Ситтафорде, уборку у него ежедневно делала приходящая женщина, а этот слуга Эванс готовил для хозяина и обслуживал его. С месяц назад он, к превеликому неудовольствию капитана, женился. Я полагаю, что это одна из причин сдачи Ситтафорд-хауса южноафриканской леди. Капитан не допустил бы, чтобы в доме поселилась какая-нибудь женщина. Эванс с женой живет теперь на Фор-стрит, сразу за углом, и каждый день приходит сюда стряпать. Я вызвал его. Он утверждает, что ушел днем, в половине третьего: капитан в нем больше не нуждался.

– Да, надо его увидеть. Может быть, от него мы узнаем что-нибудь полезное.

Сержант Поллак посмотрел на старшего офицера с любопытством: что-то необычное прозвучало в его голосе.

– Вы думаете?.. – начал он.

– Я думаю, – медленно проговорил инспектор, – что это дело таит в себе гораздо больше, чем кажется с первого взгляда.

– В каком смысле, сэр?

Но инспектор уклонился от ответа.

– Вы говорите, что Эванс здесь?

– Он ожидает в столовой.

– Хорошо, там я с ним и поговорю. Что он собою представляет?

Сержант Поллак был больше специалистом по отчетам, чем по характеристикам.

– Бывший моряк. Опасный, я бы сказал, в драке человек.

– Пьет?

– Насколько мне известно, такого за ним не замечали.

– А что вы скажете о его жене? Не приглянулась ли она капитану или что-нибудь в этом роде?

– Ну что вы, сэр! Такое о капитане Тревиляне! Он не тот человек. Его, пожалуй, считали даже женоненавистником.

– А Эванс?.. Вы думаете, он был предан своему хозяину?

– Таково общее мнение, сэр. И если бы не так, было бы известно: Экземптон – небольшой городок.

Инспектор Нарракот кивнул.

– М-да... – произнес он. – Здесь делать больше нечего. Я задам несколько вопросов Эвансу, осмотрю остальную часть дома, и мы сходим в «Три короны», повидаемся с этим майором Барнэби. Его замечание о времени очень интересно. Пять двадцать, а? Должно быть, ему известно и еще кое-что. Как бы иначе он так точно определил время совершения преступления?

Оба направились к двери.

– Подозрительное дело, – сказал сержант Поллак, оглядываясь на разбросанные вещи. – Похоже, это сработано под кражу со взломом.

– Меня не это удивляет, – сказал Нарракот. – При определенных обстоятельствах такое возможно. Меня удивляет окно.

– Окно, сэр?

– Да. Зачем убийце понадобилось идти к окну? Предположим, что это был какой-то знакомый Тревиляна и тот пустил его без всяких разговоров, но почему бы не идти к парадной двери? Подойти к этому окну с противоположной от дороги стороны в такой вечер, как вчера, нелегкое дело, да еще по такому глубокому снегу. Должна быть на то какая-нибудь причина.

– Может быть, человек не хотел, чтобы с дороги видели, как он входит в дом, – предположил Поллак.

– Вчера тут его вряд ли бы кто увидел. Все вчера с полудня сидели по домам. Нет, причина здесь в чем-то другом. Что ж, в свое время она, может быть, обнаружится.

Глава 5

Эванс

Эванс ожидал в столовой. При их появлении он учтиво поднялся.

Это был коренастый мужчина. Свои очень длинные руки он по привычке держал с наполовину сжатыми кулаками. Чисто выбритый, с маленькими поросычьиими глазками, он имел вид жизнерадостного и готового услужить человека, что несколько компенсировало его бульдожью внешность.

Инспектор Нарракот мысленно сгруппировал свои впечатления: «Умен и практичен. Выглядит взволнованным». Затем он заговорил:

– Значит, вы Эванс?

– Да, сэр.

– Имя?

– Роберт Генри.

– Та-ак. Что вам известно по этому делу?

– Совершенно ничего, сэр. Меня это просто ошарашило. Представить только, кэптена убили!

– Когда вы в последний раз видели хозяина?

– В два часа, пожалуй, это было, сэр. Я убрал со стола после ленча и накрыл, как вы видите, для ужина. Кэптен сказал, что тогда мне не надо будет возвращаться.

– А как вы обычно поступаете?

– Обычно около семи я возвращаюсь на пару часов. Не всегда, правда. Случалось, кэптен говорил, не надо приходить.

– Значит, вы не удивились, когда он сказал, что вечером вы больше не понадобится?

– Нет, сэр. Я и позавчера вечером тоже не возвращался. Из-за погоды. Очень деликатный джентльмен был кэптен, конечно, если не уваливаешь от работы. Уж я-то его знал, его характер мне был известен.

– Что же именно он вчера сказал?

– Он выглянул в окно и говорит: «На Барнэби сегодня никакой надежды. Нечего и удивляться, – говорит, – если Ситтафорд совсем отрезан. С мальчишеских лет не помню такой зимы». Барнэби – это его друг по Ситтафорду. Всегда приходил по пятницам. В шахматы играли они с кэптенем. Разгадывали акростики. А по вторникам кэптен ходил к майору Барнэби. Постоянен был в своих привычках кэптен. Потом он сказал мне: «Ты теперь можешь идти, Эванс, и не понадобится до завтрашнего утра».

– Он не говорил, что ждет кого-то еще, кроме майора Барнэби?

– Нет, сэр, ни слова.

– Не было ничего необычного в его поведении?

– Нет, сэр, я ничего не заметил.

– Та-ак. Я слышал, Эванс, вы недавно женились.

– Да, сэр. На дочери миссис Беллинг из «Трех корон», два месяца назад.

– И капитан Тревилльян не слишком-то радовался этому?

Еле заметная усмешка скользнула по лицу Эванса.

– Что верно, то верно. Возмущался капитан. Моя Ребекка – прекрасная девушка, сэр, и хорошо готовит. Я надеялся, что мы сможем у кэптена работать вдвоем, а он... он и слушать не захотел. Сказал, что не бывать в его доме женской прислуге. Так что, сэр, дело зашло в тупик, а тут как раз появилась южноафриканская леди и пожелала снять на зиму Ситтафорд-хаус. Кэптен арендовал этот дом, я приходил сюда каждый день обслуживать его и, не

скрою от вас, сэр, надеялся, что к концу зимы кэптен одумается и мы вернемся в Ситтафорд с Ребеккой. Да ведь он даже бы и не заметил, что она в доме. Она торчала бы на своей кухне и постаралась бы никогда не попадаться ему на глаза.

– Как вы думаете, отчего у капитана Тревиляна такая неприязнь к женщинам?

– Ерунда это, сэр. Просто причуда, вот и все. Я знавал и раньше подобных джентльменов. Если уж вам угодно, сэр, вроде застенчивости какой-то, что ли. Даст им в молодые годы от ворот поворот какая-нибудь юная леди, вот и появляется у них эта блажь.

– Капитан Тревилян не был женат?

– Разумеется, нет, сэр.

– Кто у него есть из родственников? Вам неизвестно?

– Мне кажется, сэр, у него есть в Эксетере сестра, и, помнится, он как-то упоминал племянника или племянников.

– Никто из них не навещал его?

– Нет, сэр. Я думаю, он в ссоре со своей сестрой.

– Вам известно ее имя?

– Кажется, Гарднер, но я не уверен.

– Адреса ее не знаете?

– Боюсь, что нет, сэр.

– Ну, мы, несомненно, обнаружим его, когда будем просматривать бумаги капитана.

Теперь, Эванс, скажите, что вы делали вчера после четырех часов дня?

– Я был дома, сэр.

– Где ваш дом?

– Тут за углом, Фор-стрит, восемьдесят пять.

– Вы совсем не выходили из дома?

– Что вы, сэр! Снегу-то навалило, попробуй выйди.

– Да, да. И кто-нибудь может подтвердить ваше заявление?

– Простите, сэр?

– Кто-нибудь знает, что вы были дома все это время?

– Моя жена, сэр.

– Вы с ней были одни дома?

– Да, сэр.

– Ну, хорошо, у меня нет оснований сомневаться. Пока с вами все, Эванс.

Бывший моряк медлил. Он переминался с ноги на ногу.

– Не нужно ли что-нибудь, сэр... может быть, прибрать?

– Нет, пока все должно оставаться на своих местах.

– Понятно.

– Впрочем, лучше подождите, пока я все осмотрю, – сказал Нарракот. – Возможно, у меня будут к вам вопросы.

– Хорошо, сэр.

Инспектор Нарракот занялся осмотром комнаты. Допрос происходил в столовой. Здесь был накрыт ужин: холодный язык, пикули⁷, сыр стильтон, печенье, а на газовой горелке у камина – кастрюля с супом. На серванте подставка для графинов с вином, сифон с содовой водой, две бутылки пива. Тут же целый строй серебряных кубков, а рядом с ними, явно не к месту, три с виду совершенно новеньких романа.

Инспектор Нарракот исследовал один, другой кубок, прочитал надписи на них.

– Капитан Тревилян был неплохим спортсменом, – заметил он.

– А как же, – сказал Эванс. – Он всю жизнь занимался спортом.

⁷ Пикули – овощи, маринованные в уксусе с пряностями.

Инспектор прочитал вслух названия романов:

– «Любовь поворачивает ключ», «Веселые люди из Линкольна», «Узник любви». Хм, по-видимому, капитан не обладал особым литературным вкусом, – заключил он.

– О, сэр! – засмеялся Эванс. – Это не для чтения. Это призы, которые он выиграл на конкурсе подписей к железнодорожным картинкам. Десять решений капитан послал под разными именами, включая и мое. Он считал, что Фор-стрит, восемьдесят пять, – адрес, которому наверняка дадут приз. Чем обычнее имя и адрес, говорил капитан, тем больше вероятность получить приз. И действительно, я получил приз, но не две тысячи фунтов, а всего лишь три новых романа, и, по-моему, из тех, которые никто не покупает в магазинах.

Нарракот улыбнулся и, еще раз попросив, чтобы Эванс подождал, продолжил осмотр. В одном из углов комнаты находился внушительных размеров шкаф. Он и сам-то походил на маленькую комнату. Здесь были небрежно увязанные две пары лыж, пара весел, с десятков клыков гиппопотама, удочки, лески, различное рыболовное снаряжение, сумка с клюшками для гольфа, теннисная ракетка, высушенная и набитая чем-то ступня слона, шкура тигра. Было ясно, что, позволив занять Ситтафорд-хаус, капитан Тревилян забрал самые дорогие для него вещи, не доверяя их женщинам.

– Смешно везти все это с собой. Дом ведь был сдан всего на несколько месяцев?

– Совершенно верно, сэр.

– Не лучше ли было бы запереть эти вещи в Ситтафорд-хаусе?

И еще раз ухмыльнулся Эванс.

– Разумеется, самое верное дело, – согласился он. – И ведь там *множество* шкафов. Кэптен сам вместе с архитектором проектировал дом, и только женщина в состоянии оценить его гардеробную. Оставить вещи там, сэр, было бы самое разумное. Тащить все это сюда – это, скажу я вам, была работа, и еще какая! Но куда там, кэптен и мысли не мог допустить, что кто-то дотронется до его вещей. А запри их, так женщина, говорил он, обязательно найдет способ до них добраться. Это, говорил он, любопытство. Лучше уж не запирать, если не хотите, чтобы их трогали. Но самое правильное – забрать их с собой, тогда уж будешь уверен, что с ними все в порядке. Ну вот мы их и забрали сюда, да... непросто это все было, да и недешево, но ведь эти штуки для кэптена – они словно его дети.

На большее Эвансу уже не хватило дыхания, и пришлось сделать паузу.

Инспектор задумчиво кивнул. Был еще один вопрос, который его интересовал, и он счел момент подходящим, чтобы ненавязчиво перейти к новой теме.

– Эта миссис Уиллет, – небрежно бросил он, – она что, приятельница или просто знакомая капитана?

– Ну что вы, сэр, они совсем не были знакомы.

– Вы уверены в этом? – быстро спросил инспектор.

– Уверен?.. – Бойкость инспектора сбила с толку бывалого моряка. – Вообще-то, кэптен не говорил об этом... Да нет же, я точно знаю.

– Я спрашиваю, – пояснил инспектор, – потому что время для найма дома довольно необычное. Но, если эта миссис Уиллет была знакома с капитаном Тревиляном и знала дом, она могла написать ему и договориться об аренде.

Эванс покачал головой:

– Это же агенты от «Вильямсона», они написали, сообщили, что у них есть запрос от леди.

Инспектор Нарракот нахмурился. Сдача Ситтафорд-хауса представлялась ему очень странной.

– Я полагаю, что капитан Тревилян и миссис Уиллет все-таки встречались? – спросил он.

– Конечно. Она приезжала посмотреть дом, и он ей все показывал.

– И вы совершенно уверены, что они до того не встречались?

– Совершенно, сэр.

– А они... – Инспектор приостановился, соображая, как бы поделикатнее сформулировать этот щекотливый вопрос: – Они ладили друг с другом? Были дружески настроены?

– Она – да. – Легкая улыбка скользнула по губам Эванса. – Была, можно сказать, внимательна к нему. Восхищалась домом, интересовалась, не по его ли проекту построен. Можно даже сказать – слишком уж была внимательна.

– А капитан?

– До такого еще не дошло, чтобы подобные дамы своими излияниями хотя бы немного растопили лед. Вежливость – и ничего более. И не принимал приглашений.

– Приглашений?

– Да, сэр. Она говорила, считайте, что вы и не сдаете дом, и в любое время заглядывайте. Так она и сказала – заглядывайте. А будешь тут заглядывать, когда живешь в шести милях!

– Она, кажется, была не прочь почаще видеться с капитаном?

Нарракот заинтересовался. Не связана ли с этим аренда дома? Не предлог ли это просто, чтобы познакомиться с капитаном Тревиляном? Не уловка ли, в самом деле? Она могла рассчитывать, что он переселится в один из маленьких бунгало, например к майору Барнэби.

Ответ Эванса мало что разъяснил ему.

– Очень уж она, говорят, гостеприимная леди. Каждый день у нее кто-нибудь то на обеде, то на ужине.

Нарракот кивнул. Больше тут ничего не добиться. Надо как можно скорее побеседовать с миссис Уиллет. Выяснить все о ее неожиданном приезде.

– Ну вот, Поллак, теперь навверх, – сказал он, и, оставив Эванса в столовой, они пошли на второй этаж.

– Думаете, все в порядке? – шепотом спросил сержант и мотнул головой через плечо в сторону закрытой двери в столовую.

– Кажется, так, – сказал инспектор. – Но кто знает? Он не дурак, этот парень, кто угодно, только не дурак.

– Да, видать, смышленный малый.

– То, что он говорит, – продолжал инспектор, – похоже на правду. Все четко, не крутит. И тем не менее кто знает...

С этими словами, столь соответствующими его осторожному и подозрительному складу характера, инспектор приступил к осмотру верхнего этажа.

Три спальни и ванная. Две спальни – явно необитаемые, ими, очевидно, не пользовались несколько недель. Третья – спальня капитана Тревиляна – в полном строгом порядке. Инспектор походил по ней, открывая ящики и шкаф. Все находилось на своих местах. Это была комната аккуратного до фанатизма человека. Закончив осмотр, Нарракот заглянул в примыкавшую ванную комнату. И тут все было на месте. Он бросил последний взгляд на аккуратно разобранную кровать с приготовленной, сложенной пижамой.

– И здесь ничего, – сказал он, покачав головой.

– Да, все как будто в полном порядке.

– В кабинете, в столе, есть бумаги. Лучше займитесь ими, Поллак. А Эванса мы отпустим. Я могу потом зайти к нему домой.

– Хорошо, сэр.

– Тело можно убрать. Между прочим, надо будет повидаться с Уорреном. Он ведь живет тут неподалеку?

– Да, сэр.

– В направлении «Трех корон» или в другую сторону?

– В другую сторону.

– Тогда я сначала зайду в гостиницу. Ну давай, сержант.

Поллак отправился в столовую отпустить Эванса. Инспектор вышел через парадную дверь и быстро зашагал к «Трем коронам».

Глава 6

В «Трех коронах»

Инспектору Нарракоту удалось увидеть майора Барнэби не раньше, чем он завершил длительную беседу с миссис Беллинг, полноправной владелицей гостиницы. Миссис Беллинг была толста и впечатлительна, к тому же весьма многословна: не оставалось ничего другого, как терпеливо слушать ее, пока не будет исчерпана тема.

– И в такой-то вечер, – говорила она. – Кто бы мог подумать!.. Бедный, милый джентльмен. И все эти грязные бродяги. Сколько раз я говорила и еще раз повторяю: терпеть не могу этих грязных бродяг. А кто их любит? У капитана даже собаки не было, чтобы защитила его. Не выносил собак, бродяги тоже не выносят. А впрочем, никогда не знаешь, что делается у тебя под носом.

– Да, мистер Нарракот, – продолжала она, отвечая на его вопрос, – майор сейчас завтракает. Вы найдете его в столовой. И что за ночь он провел, без пижамы и прочего... Даже и представить себе не могу. Говорит, все равно, мол, ему... Такой расстроенный, странный... Да и не мудрено, ведь лучшего друга убили, очень уж приятные джентльмены они оба; правда, считают, что капитан денежки сильно любил. Ну и ну, всегда думала, что в Ситтафорде, в глуши, страшновато жить, и вот вам – ухлопали капитана в самом Экземптоне. В жизни случаются такие вещи, каких и не ждешь совсем, правда, мистер Нарракот?

Инспектор сказал, что, несомненно, так оно и есть, потом спросил:

– Кто у вас вчера останавливался, миссис Беллинг? Были приезжие?

– Сейчас, дайте сообразить. Мистер Морсби и мистер Джоунз – это коммерсанты – и еще молодой джентльмен из Лондона. Больше никого. Да в это время года больше и не бывает. Зимой здесь очень спокойно. Да, был еще один молодой джентльмен, приехал последним поездом. Я его назвала «носатый молодой человек». Он еще не поднимался.

– Последним поездом? – переспросил Нарракот. – Тем, что прибывает в десять часов? Не думаю, что нам стоит из-за него волноваться. А вот по поводу другого, что из Лондона? Вам он знаком?

– В жизни не видела. Но уж не коммерсант, нет, пожалуй, благороднее. Не припомню сейчас его имени, но можно посмотреть в книге записей. Сегодня утром уехал первым поездом в Эксетер, и все. В шесть десять. Очень интересно. Хотелось бы знать, что ему здесь понадобилось?

– И он ничего не говорил о своих делах?

– Ни слова.

– А из дому он выходил?

– Приехал в обед, ушел около половины пятого, а вернулся примерно в двадцать минут седьмого.

– И куда же он выходил?

– Ни малейшего представления, сэр. Может быть, просто прогуляться. Это было еще до того, как пошел снег, но день для прогулок все равно был не слишком приятный.

– В четыре тридцать ушел и в шесть двадцать вернулся... – задумчиво произнес инспектор. – Довольно странно. Он не упоминал капитана Тревиляна?

Миссис Беллинг решительно покачала головой.

– Нет, мистер Нарракот, никого он не упоминал. Было ему, видно, только до себя. Ничего молодой человек, приятной наружности, но какой-то, можно сказать, озабоченный.

Инспектор кивнул и отправился познакомиться с книгой записей.

– Джеймс Пирсон, Лондон, – сказал он. – Это нам ничего не говорит. Придется навести справки о мистере Джеймсе Пирсоне.

Инспектор двинулся в столовую в поисках майора Барнэби.

Майор был там один. Он пил смахивающий на бурду кофе, перед ним была развернута «Таймс».

– Майор Барнэби?

– Это я.

– Инспектор Нарракот из Эксетера.

– Доброе утро, инспектор. Что-нибудь новенькое?

– Да, сэр. Полагаю, есть кое-что. Даже могу сказать об этом с уверенностью.

– Рад слышать, – сухо отозвался майор, нисколько ему не веря.

– Так вот, есть тут некоторые обстоятельства, о которых мне нужна информация, – сказал инспектор. – Надеюсь получить ее от вас.

– Чем смогу, помогу, – сказал Барнэби.

– Как по-вашему, были у капитана Тревиляна враги?

– Ни единого в мире, – не задумываясь, ответил Барнэби.

– А этот человек, Эванс, вы считаете, он заслуживает доверия?

– Полагаю, да. Тревилян, я знаю, доверял ему.

– Не возникло ли между ними неприязни из-за его женитьбы?

– Неприязни? Нет. Тревилян был раздосадован: он не любил менять привычки. Старый холостяк, понимаете.

– Кстати, о холостяках. Капитан Тревилян не был женат, вы не знаете, он не оставил завещания? И если нет, как вы думаете, кто унаследует его имущество?

– Тревилян сделал завещание, – не замедлил ответить Барнэби.

– Вот как... вам это известно?

– Да. Он назначил меня душеприказчиком. Так и сказал.

– А как он распорядился деньгами?

– Этого я не знаю.

– По-видимому, он был хорошо обеспечен?

– Тревилян был богатым человеком, – подтвердил Барнэби. – Я бы сказал, он был обеспечен гораздо лучше, чем это можно предположить.

– У него есть родственники?

– Есть сестра, племянники, племянницы. Я никогда не видел никого из них, но, по моему, в ссоре они не были.

– А его завещание? Вам известно, где он его хранил?

– «Уолтерс и Кирквуд», здешняя адвокатская контора. Там оно и составлено.

– Тогда, может быть, вы, как душеприказчик, сходите со мной сейчас к «Уолтерсу и Кирквуду»? Мне бы хотелось как можно скорее иметь представление об этом завещании.

Барнэби встревоженно взглянул на инспектора.

– Что это значит? – спросил он. – При чем тут завещание?

Но инспектор Нарракот не был расположен раньше времени раскрывать свои карты.

– Случай не так прост, как мы полагали, – сказал он. – Между прочим, у меня к вам есть еще вопрос. Как я понял, майор Барнэби, вы спросили доктора Уоррена, не наступила ли смерть в пять – пять двадцать?

– Ну да, – хрипло произнес майор.

– Почему вы назвали именно это время?

– А что? – спросил Барнэби.

– Наверное, что-то вы при этом имели в виду?

Последовала значительная пауза, прежде чем майор собрался с ответом. Инспектора Нарракота это еще больше насторожило. Значит, Барнэби и в самом деле пытается что-то скрыть. Наблюдать за ним при этом было прямо-таки смешно.

– Ну а если бы я сказал пять двадцать пять, – вызывающе спросил майор, – или без двадцати шесть, или четыре двадцать? Какое это имеет значение?

– Да, вы правы, сэр, – миролюбиво сказал Нарракот: сейчас ему не хотелось вступать с майором в спор. Но он дал себе слово, что еще до исхода дня докопается до сути. – Есть еще одна любопытная деталь, – продолжал он.

– А именно?

– Это касается сдачи в аренду Ситтафорд-хауса. Не знаю, что об этом думаете вы, но мне все это представляется весьма странным.

– Если вас интересует мое мнение, – сказал Барнэби, – чертовски странное дело.

– Вы так считаете?

– Все так считают.

– В Ситтафорде?

– И в Ситтафорде, и в Экземптоне. У этой дамы, должно быть, не все дома.

– Ну, о вкусах не спорят, – заметил инспектор.

– Чертовски странный вкус для такой дамочки.

– Вы с ней знакомы?

– Знаком, ведь я был у нее в доме, когда...

– Когда что?.. – спросил Нарракот, потому что майор вдруг замолчал.

– Ничего, – сказал Барнэби.

Инспектор Нарракот пристально посмотрел на него. Очевидное смущение, замешательство майора Барнэби не ускользнули от него. Он чуть было не проговорился. А о чем?

«Всему свое время, – сказал себе Нарракот. – Сейчас не стоит раздражать его».

– Так вы, сэр, говорите, что были в Ситтафорд-хаусе. Давно эта дама живет там?

– Около двух месяцев.

Майору очень хотелось сгладить впечатление от своих неосторожных слов. Это стремление сделало его более разговорчивым, чем обычно.

– С дочерью?

– Да.

– Как она объясняет выбор своей резиденции?

– Да вот... – Майор задумался и потер нос. – Она из тех женщин, что очень много говорят – красоты природы... вдали от остального мира... что-то вроде этого. Но...

Наступила неловкая пауза. Инспектор Нарракот пришел ему на помощь:

– Вас поразила неестественность ее поведения?

– Да, похоже, что так. Она – светская женщина. Одевается весьма изысканно, дочь – изящная, красивая девица. Естественным для них было бы остановиться в «Ритце», или в «Кларидже», или еще в каком-нибудь большом отеле. Вы представляете себе в каком?

Нарракот кивнул.

– В общем, они не из тех, что держатся особняком, так? – спросил он. – Не считаете ли вы, что они, скажем, скрываются?

Майор Барнэби решительно замотал головой:

– Нет, нет! Ничего подобного. Они очень общительны, даже, пожалуй, слишком общительны. Я считаю, что в таком маленьком местечке, как Ситтафорд, ни к чему слишком частые встречи, и когда приглашения так и сыплются на вас, то немного неловко. Они чрезвычайно сердечные, гостеприимные люди, но, по английским представлениям, по-моему, чересчур.

– Колониальная черта, – сказал инспектор.

– Думаю, да.

– У вас нет оснований считать, что они раньше были знакомы с капитаном Тревилян-ном?

– Решительно никаких.

– Вы убеждены в этом?

– Джо бы мне сказал.

– А вы не думаете, что тут могло иметь место стремление познакомиться с капитаном?

Это была, несомненно, неожиданная для майора идея. Он размышлял над ней несколько минут.

– Да-а, такое мне никогда в голову не приходило. Конечно, они были очень приветливы с ним. Но этим они ничего не добились от Джо. Впрочем, это их обычная манера держаться. Чрезмерная приветливость присуща жителям колоний, – добавил этот истый защитник Британии.

– Ну ладно. Теперь относительно дома. Как я понимаю, его построил капитан Треви-льян?

– Да.

– И никто в нем никогда больше не жил? Я хочу сказать – он раньше не сдавался?

– Никогда.

– Тогда не похоже, чтобы интерес проявили именно к дому. Загадка. Почти наверняка дом не имеет никакого отношения к этому случаю, и справедливо заключить, что это слу-чайное совпадение. А дом, который занял капитан Тревилян, «Орешники», он кому при-надлежит?

– Мисс Ларпент, дама средних лет. Она уехала на зиму в пансион в Челтенхем. Каждый год уезжает. Дом обычно запирает. Или сдает, что удастся нечасто.

Здесь, кажется, ничто не подавало надежды. Инспектор обескураженно покачал голо-вой.

– Вильямсоны, как я понимаю, были посредниками? – спросил он.

– Да.

– Их контора в Экземптоне?

– Рядом с «Уолтерсом и Кирквудом».

– А! Тогда, если вы не против, зайдем по пути.

– Не возражаю. Кирквуда все равно не застанете в конторе раньше десяти. Вы же зна-ете, что такое адвокаты.

– Значит, отправляемся.

Майор, который уже давно покончил со своим завтраком, кивнул в знак согласия и поднялся.

Глава 7

Завещание

В конторе Вильямсонов навстречу им услужливо поднялся молодой человек:

– Доброе утро, майор Барнэби.

– Доброе утро.

– Ужасная история, – бойко заговорил молодой человек. – Подобного в Экземптоне давно не случалось.

Майор только поморщился.

– Это инспектор Нарракот, – сказал он.

– О! – восторженно произнес молодой человек.

– Мне нужна информация, которой, я думаю, вы располагаете, – сказал инспектор. – Насколько мне известно, вы занимались наймом Ситтафорд-хауса?

– Для миссис Уиллет? Да, занимались.

– Пожалуйста, сообщите мне подробности о том, как это происходило. Дама обратилась лично или письменно?

– Письменно. Она написала... Дайте вспомнить... – Он выдвинул ящик, порылся в картотеке. – Да, из Карлтон-отеля, Лондон.

– Она упоминала Ситтафорд-хаус?

– Нет, в письме просто говорилось, что она хочет снять на зиму дом и что он должен находиться в Дартмуре и в нем должно быть по меньшей мере восемь комнат. Близость железнодорожной станции и города не имела значения.

– Ситтафорд-хаус значился у вас в списках?

– Нет. Но он оказался единственным домом, который соответствовал этим требованиям. Дама упомянула в письме, что она может платить до двенадцати гиней. Это обстоятельство окончательно убедило меня, что надо написать капитану Тревилянну и спросить, не захочет ли он сдать дом. Капитан ответил утвердительно, и мы порешили дело.

– И миссис Уиллет даже не смотрела на дом?

– Нет. Она дала согласие и подписала договор без предварительного осмотра. Позднее она приехала сюда, добралась до Ситтафорда, встретилась с капитаном Тревиляном, договорилась с ним насчет столового серебра, белья и всего прочего и осмотрела дом.

– Она осталась довольна?

– Она пришла и сказала, что восхищена.

– А что думаете по этому поводу вы? – спросил инспектор Нарракот, пристально глядя на него.

Молодой человек пожал плечами.

– Бизнес с недвижимостью учит ничему не удивляться, – заметил он.

На этом философском заключении они и расстались. Инспектор поблагодарил молодого человека за помощь.

– Не за что, право, одно удовольствие, уверяю вас.

И он, вежливо улыбаясь, проводил их до дверей.

Контора «Уолтерс и Кирквуд», как и говорил майор Барнэби, была по соседству. Когда они явились туда, им сказали, что мистер Кирквуд только что прибыл, и провели к нему в кабинет.

Мистер Кирквуд был человеком почтенного возраста с кротостью во взоре. Уроженец Экземптона, он унаследовал от отца еще дедовскую долю в фирме.

Он поднялся, изобразил на лице печаль и за руку поздоровался с майором.

– Доброе утро, майор Барнэби, – сказал он. – Это страшное потрясение. Очень страшное. Бедный Тревилян.

Он пытливо взглянул на Нарракота, и майор Барнэби в двух словах объяснил его появление.

– Вы ведете это дело, инспектор Нарракот!

– Да, мистер Кирквуд. Я пришел к вам, так как по ходу следствия мне потребовались от вас определенные сведения.

– Я буду счастлив дать их вам, если мне надлежит это сделать, – сказал адвокат.

– Речь о завещании покойного капитана Тревиляна, – сказал Нарракот. – Я слышал, оно у вас тут, в конторе.

– Это верно.

– Оно было сделано давно?

– Пять или шесть лет назад. Я не ручаюсь сейчас за точность даты.

– Мне бы очень хотелось, мистер Кирквуд, поскорее ознакомиться с содержанием этого завещания. Возможно, оно имеет важное значение для дела.

– Вы так думаете? – сказал адвокат. – Ну да, конечно, мне бы надо сообразить, что вам, разумеется, виднее, инспектор. Так вот, – и он взглянул на второго посетителя, – майор Барнэби и я, мы оба, являемся душеприказчиками по завещанию. Если он не имеет возражений...

– Никаких.

– Тогда, инспектор, я не вижу причин для отклонения вашей просьбы.

Взяв трубку телефона, стоявшего на столе, он сказал несколько слов. Через две-три минуты в комнату вошел клерк, положил перед адвокатом запечатанный конверт и тут же удалился. Мистер Кирквуд взял пакет, вскрыл его ножом для разрезания бумаги, достал внушительного вида документ, прокашлялся и принялся читать:

– «Я, Джозеф Артур Тревилян, Ситтафорд-хаус, Ситтафорд, графство Девон, сегодня, августа тринадцатого дня тысяча девятьсот двадцать шестого года, объявляю свою последнюю волю:

1. Я назначаю Джона Эдварда Барнэби, коттедж № 1, Ситтафорд, и Фредерика Кирквуда, Экземптон, моими душеприказчиками.

2. Я завещаю Роберту Генри Эвансу, который долго и преданно служил мне, сумму в сто фунтов стерлингов, свободную от налога на наследство, в его собственное распоряжение, при условии, что он будет у меня на службе в момент моей смерти и не получит предупреждения об увольнении.

3. Я завещаю названному выше Джону Эдварду Барнэби в знак нашей дружбы, а также моего расположения и любви к нему все мои спортивные трофеи, включая коллекцию голов и шкур зверей, кубки первенства и призы, которыми меня наградили за достижения в разных видах спорта, а также прочую принадлежащую мне охотничью добычу.

4. Я завещаю все мое движимое и недвижимое имущество, по-иному не размещенное этим завещанием или каким-либо дополнением к нему, моим душеприказчикам под опеку, чтобы они истребовали его, продали и обратили в деньги.

5. Я уполномочиваю моих душеприказчиков оплатить похороны, расходы по завещанию и долги, выплатить соответствующие суммы наследникам по этому моему завещанию или каким-либо дополнениям к нему, все пошлины, связанные со смертью, и иные денежные суммы.

6. Я уполномочиваю моих душеприказчиков остаток этих денег или средств, обращенных на время в ценные бумаги, переданный им под опеку, разделить на четыре равные части, или доли.

7. После упомянутого выше раздела я уполномочиваю моих душеприказчиков выплатить одну такую четвертую часть, или долю, опекаемого моей сестре Дженнифер Гарднер в ее полное распоряжение.

Я уполномочиваю моих душеприказчиков остающиеся три такие равные части, или доли, опекаемого выплатить по одной каждому из троих детей моей покойной сестры Мэри Пирсон, в полное распоряжение каждого из них.

В удостоверение чего я, вышеназванный Джозеф Артур Тревилян, к сему приложил свою руку в день и год, означенные в начале изложенного.

Подписано вышеназванным завещателем, как его последняя воля, в присутствии нас обоих; и в это же самое время, в его и наше присутствие, мы учиняем здесь свои подписи как свидетели».

Мистер Кирквуд вручил документ инспектору:

– Заверено в этой конторе двумя моими клерками.

Инспектор задумался, пробежал глазами завещание.

– «Моя покойная сестра Мэри Пирсон», – сказал он. – Вы можете что-нибудь сказать мне о миссис Пирсон, мистер Кирквуд?

– Очень немного. Она умерла, мне кажется, лет десять назад. Ее муж, биржевой маклер, умер еще раньше. Насколько мне известно, она никогда не приезжала сюда к капитану Тревилян.

– Пирсон, – повторил инспектор. – И еще одно: размер состояния капитана Тревиляна не упоминается. Какую сумму, вы полагаете, оно может составить?

– Это трудно точно сказать, – ответил мистер Кирквуд, испытывая, как и все адвокаты, удовольствие от превращения простого вопроса в сложную проблему. – Это связано с движимым и недвижимым имуществом. Кроме Ситтафорд-хауса, капитан владеет кое-какой собственностью неподалеку от Плимута, а различные капиталовложения, которые он делал время от времени, изменились в стоимости.

– Я просто хочу получить приблизительное представление, – сказал инспектор Нарракот.

– Мне бы не хотелось брать на себя...

– Самую грубую оценку, ориентировочную. Ну, например, двадцать тысяч фунтов. Как вы считаете?

– Двадцать тысяч фунтов? Почтеннейший сэр, состояние капитана Тревиляна составит, по крайней мере, вчетверо большую сумму. Восемьдесят или даже девяносто тысяч фунтов было бы гораздо вернее.

– Я вам говорил, что Тревилян богатый человек, – напомнил Барнэби.

Инспектор Нарракот поднялся.

– Большое спасибо вам, мистер Кирквуд, за сведения, которые вы мне дали, – сказал он.

– Вы полагаете, они вам будут полезны?

Адвокат, несомненно, сгорал от любопытства, но инспектор не был расположен тут же удовлетворить его.

– В подобных случаях все приходится принимать во внимание, – уклончиво сказал он. – Между прочим, нет ли у вас адреса этой Дженнифер Гарднер да и семейства Пирсон? Кстати, как их по именам?

– Мне ничего не известно о Пирсонах. Адрес миссис Гарднер – «Лавры», Уолдон-роуд, Эксетер.

Инспектор записал его к себе в книжку.

– Этого достаточно, чтобы двигаться дальше, – сказал он. – А вы не знаете, сколько детей оставила покойная миссис Пирсон?

– Кажется, троих. Две девочки и мальчик. Или два мальчика и девочка. Не могу точно вспомнить.

Инспектор кивнул, спрятал записную книжку, еще раз поблагодарил адвоката и откланялся.

Когда они вышли на улицу, он вдруг повернулся к своему спутнику.

– А теперь, сэр, – сказал он, – выкладывайте мне правду об этой истории с двадцатью пятью минутами шестого.

Майор Барнэби покраснел от возмущения.

– Я вам уже говорил, что...

– Вы меня не проведете. Утаиваете сведения – вот что вы делаете, майор Барнэби. Что-то ведь побудило вас назвать доктору Уоррену именно это время. И я даже представляю себе, что именно.

– Если вы знаете, зачем же вы меня спрашиваете? – заворчал майор.

– Надо полагать, вы были осведомлены, что определенное лицо условилось встретиться с капитаном Тревильяном примерно в это время. Разве не так?

Майор Барнэби вытаращил глаза.

– Ничего подобного! – огрызнулся он. – Ничего подобного!

– Поосторожнее, майор Барнэби. А как же насчет мистера Джеймса Пирсона?

– Джеймса Пирсона? Джеймс Пирсон, кто это? Вы говорите об одном из племянников Тревильяна?

– Я считаю – вероятный племянник. У него ведь был один по имени Джеймс?

– Понятия не имею. У Тревильяна были племянники, я знаю. Но как их зовут, не имею ни малейшего представления.

– Молодой человек, о котором идет речь, вчера вечером был в «Трех коронах». Вы, наверное, узнали его?

– Я не узнал никого! – заревел майор. – Да и не узнал бы: в жизни не видел никого из племянников Тревильяна.

– Но вы же знали, что капитан Тревильян ждал вчера днем племянника?

– Нет! – проорал майор.

Люди на улице оглядывались и смотрели на него.

– Черт побери, вы же хотите знать правду! Так я не знаю ничего ни о каких встречах. А племянники Тревильяна, может быть, они где-нибудь в Тимбукту, откуда я знаю о них?

Инспектор Нарракот был несколько обескуражен. Яростный протест майора был явно непритворным.

– Тогда что это за история с двадцатью пятью минутами шестого?

– А-а! Ладно, пожалуй, лучше уж рассказать. – Майор несколько смущенно откашлялся. – Но предупреждаю вас, все это ужасная чушь! Чепуха, сэр. Ни один нормальный человек не поверит в подобный вздор!

Инспектор Нарракот казался все более и более удивленным. А майор Барнэби с каждой минутой выглядел все более сконфуженным и словно бы стыдился самого себя.

– Вы знаете, что это такое, инспектор? Приходится участвовать в таких вещах, чтобы доставить удовольствие дамам. Конечно, я никогда не считал, что в этом что-то есть.

– В чем, майор Барнэби?

– В столоверчении.

– В *столоверчении*?

Чего только не ждал инспектор Нарракот, но уж такого не ожидал! Майор продолжал оправдываться. Запинаясь и без конца отрекаясь от веры в эту ерунду, он рассказал о событиях предшествующего вечера и об известии, которое избавляло его от неловкого положения.

– Вы хотите сказать, майор Барнэби, что стол назвал имя Тревиляна и сообщил вам, что он умер, убит?

Майор Барнэби вытер лоб.

– Да, именно это и произошло. Я не верил в это. Естественно, не верил. – Он выглядел пристыженным. – Ну вот, а была пятница, и я подумал: надо удостовериться, пойти и убедиться, что все в порядке.

Размышляя о том, как трудно было пройти шесть миль по глубоким сугробам, инспектор подумал, что только сильное впечатление от сообщения духа могло заставить майора Барнэби проделать этот нелегкий путь, да еще в предвидение сильного снегопада. Странно, очень странно, раздумывал Нарракот. Такого рода штуку никак и не объяснишь. В конце концов, что-то в ней, может быть, и есть. Это был первый вполне достоверный случай, с которым ему пришлось столкнуться.

В общем, очень странная история, но, насколько он понимал, она, хотя и объясняла позицию майора Барнэби, практически все-таки не имела отношения к делу, которым он занимался. Он исследовал явления материального мира, и телепатия тут была ни при чем.

Его задача была установить убийцу.

И чтобы решить ее, он не нуждался в руководстве спиритических сил.

Глава 8

Мистер Чарлз Эндерби

Взглянув на часы, инспектор сообразил, что если поторопится, то как раз успеет к поезду на Эксетер. Он очень хотел как можно скорее побеседовать с сестрой покойного капитана Тревиляна и получить у нее адреса других членов семьи. И вот, поспешно распрощившись с майором Барнэби, он помчался на вокзал. Майор Барнэби возвратился в «Три короны». Едва он перешагнул порог, с ним заговорил энергичный молодой человек с лоснящимися от помады волосами и пухлым мальчишеским лицом.

– Майор Барнэби? – спросил он.

– Да.

– Ситтафорд, коттедж номер один?

– Да, – ответил майор Барнэби.

– Я представляю «Дейли уайер», – сказал молодой человек. – И я...

Договорить он не смог. Как военный истинно старой закалки, майор Барнэби взорвался.

– Ни слова больше! – заревел он. – Знаю я вашего брата. Ни тебе порядочности, ни сдержанности. Стаями слетаетесь на убийства, как коршуны на трупы. Но вот что я вам скажу, молодой человек: от меня вы ничего не услышите. Ни слова. Никаких сенсаций для вашей чертовой газеты! Если вы хотите что-нибудь разузнать, идите и спрашивайте полицию. Имейте хоть немного такта: оставьте в покое друзей умершего!

Молодого человека это, кажется, ничуть не поколебало. Напротив, он еще больше расцвел в улыбке.

– Послушайте, сэр, я вижу, вы меня неправильно поняли. Я ничего не знаю об этом убийстве.

Строго говоря, это была неправда. Никто в Экземптоне не мог заявить, что не знает о событии, потрясшем тихий городок среди вересковых пустошей.

– «Дейли уайер» уполномочила меня, – продолжал молодой человек, – вручить вам чек на пять тысяч фунтов и поздравить вас. Вы единственный, кто прислал правильное решение нашего футбольного конкурса.

Майор Барнэби был прямо-таки ошарашен.

– Я не сомневаюсь, – продолжал молодой человек, – что вы еще вчера утром получили наше письмо с этим приятным известием.

– Письмо? – сказал майор Барнэби. – Да вы знаете, молодой человек, что Ситтафорд на десять футов завален снегом? Как же можно говорить о регулярной доставке почты за последние дни?

– Но вы, вероятно, прочитали утром в «Дейли уайер», что объявлены победителем?

– Нет, – сказал майор Барнэби. – Я не заглядывал сегодня утром в газеты.

– Ах да. Конечно... Эта трагическая история. Убитый был вашим другом, понимаю...

– Моим лучшим другом, – сказал майор.

– Ужасная участь, – сказал молодой человек, тактично отводя взгляд; затем он достал из кармана небольшой сложенный листок розовато-лиловой бумаги и с поклоном вручил его майору Барнэби.

– Примите поздравления от «Дейли уайер», – сказал он.

Майор Барнэби ответил единственно возможным в таких обстоятельствах предложением:

– Выпьем, мистер, э...

– Эндерби, мое имя Чарлз Эндерби. Я приехал вчера вечером, – пояснил он. – Навожу тут справки, как добраться до Ситтафорда: мы уделяем особое внимание личному вручению чеков победителям, даже публикуем небольшое интервью, ну а мне говорят, что об этом и речи быть не может – такой идет снег, что нечего об этом и думать, и вот, по счастливой случайности, я узнаю, что вы, оказывается, здесь, остановились в «Трех коронах». – Он улыбнулся. – Никаких хлопот с установлением личности. В этой части света все, кажется, знают друг друга.

– Что будете пить? – спросил майор.

– Мне пива, – сказал Эндерби.

Майор заказал два пива.

– Весь город словно сошел с ума из-за этого убийства, – заметил Эндерби. – Говорят, довольно загадочная история.

Майор что-то пробурчал. Он был в несколько затруднительном положении. Его мнение в отношении журналистов не изменилось, но человек, только что вручивший вам чек на 5000 фунтов, конечно, требует уважительного отношения. Ему ведь не скажешь, чтобы он отправлялся ко всем чертям.

– И никаких врагов? – спросил молодой человек.

– Никаких, – ответил майор.

– И полиция, я слышал, не считает, что это грабеж? – продолжал Эндерби.

– Откуда вы это знаете? – спросил майор.

Мистер Эндерби, однако, не указал источника информации.

– Я слышал, что именно вы и обнаружили тело, сэр, – сказал молодой человек.

– Да.

– Это, должно быть, вас страшно потрясло.

Разговор продолжался. Майор Барнэби хотя и не был настроен что-либо рассказывать, однако явно уступал предприимчивости мистера Эндерби. Последний изрекал утверждения, с которыми майор вынужден был соглашаться или не соглашаться и таким образом давать информацию, которой добивался молодой человек. Он настолько корректно себя держал, что процесс этот не был мучительным и майор Барнэби даже не обнаружил, что почувствовал расположение к изобретательному молодому человеку.

Вскоре мистер Эндерби поднялся, заметив, что ему надо сходить на почту.

– Могу я попросить с вас, сэр, расписку в получении этого чека?

Майор прошел к письменному столу, написал расписку и вручил ему.

– Великолепно, – сказал молодой человек и сунул ее себе в карман.

– Я полагаю, – сказал майор Барнэби, – вы сегодня отправитесь обратно в Лондон?

– О нет! – ответил Эндерби. – Я хочу сделать несколько фотографий: ваш коттедж в Ситтафорде, как вы кормите свиней, или сражаетесь с одуванчиками, или предаетесь еще какому-нибудь вашему любимому занятию. Вы не представляете себе, как наши читатели любят подобные штуки. Потом мне хотелось бы заполучить от вас несколько слов на тему «Что я собираюсь сделать с пятью тысячами фунтов». Читатели будут разочарованы, если им не поднести что-нибудь в таком роде.

– Да, но добраться до Ситтафорда в такую погоду невозможно никаким транспортом. Снегопад был исключительной силы. Пройдет не менее трех дней, прежде чем все как следует растает.

– Знаю, – сказал молодой человек. – Это действительно трудно. Что ж, поневоле придется развлекаться в Экземптоне. Кормят в «Трех коронах» довольно прилично. Итак, сэр, до скорой встречи!

Он вышел на главную улицу Экземптона, отправился на почту и сообщил в свою газету, что благодаря необыкновенной удаче он сможет дать пикантную, исключительную информацию об убийстве в Экземптоне.

Потом он обдумал свои дальнейшие действия и решил побеседовать со слугой капитана – Эвансом, имя которого майор Барнэби неосторожно упомянул в разговоре.

Не нужно было долгих расспросов, чтобы попасть на Фор-стрит, 85: слуга убитого был сегодня важной персоной, и всякий был готов указать, где его дом.

Эндерби громко забарабанил в дверь. Открыл мужчина, типичный бывший моряк, не оставалось сомнений, что он и есть Эванс.

– Эванс, не так ли? – бодро спросил Эндерби. – Я только что от майора Барнэби.

– Заходите, сэр, – после минутного замешательства сказал тот.

Эндерби принял приглашение. Миловидная молодая женщина, темноволосая и розовощекая, стояла поодаль.

Эндерби заключил, что это новоявленная миссис Эванс.

– Скверная история с вашим покойным хозяином, – сказал Эндерби.

– Ужасная история, сэр, ужасная.

– И кто, вы думаете, это сделал? – спросил Эндерби с наигранной простодушной любезностью.

– Кто-то из этих грязных бродяг, больше некому, – сказал Эванс.

– Ну нет, любезнейший! Это предположение полностью отвергнуто.

– Как так?

– Все это фальсификация. Полиция сразу же разгадала.

– Откуда вам это известно, сэр?

Эндерби сообщила это горничная из «Трех корон», сестра которой была законной супругой констебля Грейвза, но он ответил:

– У меня сведения из центра. Версия ограбления была инспирирована.

– На кого же они думают? – спросила миссис Эванс, выходя вперед: взгляд у нее был испуганный и пытливый.

– Ну, Ребекка, да не волнуйся же ты так, – сказал ей муж.

– Полицейские эти совсем сдурели, – сказала миссис Эванс. – Сперва арестовывают, а потом уж начинают рассуждать. – Она быстро взглянула на мистера Эндерби: – Вы, сэр, не имеете отношения к полиции?

– Я? О нет! Я из газеты «Дейли уайер». Я приехал к майору Барнэби. Он только что выиграл в нашем футбольном конкурсе пять тысяч фунтов.

– Что? – вскрикнул Эванс. – Черт побери, значит, все это в конце концов правильно?

– А вы думали, тут что-нибудь не так? – спросил Эндерби.

– Ну да, сэр, в нашем-то грешном мире. – Эванс немного сконфузился, чувствуя, что его реплика была не слишком тактична. – Я слышал, что много в этих делах надувательства. Еще покойный капитан, бывало, говорил, что приз никогда не отправят в добропорядочный адрес. Вот почему он время от времени пользовался моим.

И он простодушно рассказал, как капитан выиграл три новых романа.

Эндерби умело поддерживал разговор. Он видел, что из Эванса можно сделать неплохой рассказ. Преданный слуга, морской волк. Только вот немного странно, что миссис Эванс так нервничает. Впрочем, решил он, подозрительность свойственна невежеству ее класса.

– Вы найдете негодяя, который это сделал, – сказал Эванс. – Говорят, газеты многое могут.

– Это был грабитель, – сказала миссис Эванс, – вот кто.

– Конечно, грабитель, – подтвердил Эванс. – Никто в Экземптоне не поднял бы руку на кэптана.

Эндерби поднялся.

– Ладно, – сказал он. – Мне надо идти. Если смогу, как-нибудь забегу поболтать. Раз уж капитан выиграл в конкурсе «Дейли уайер» три романа, то теперь наша газета будет считать преследование убийцы своим кровным делом.

– Лучше и не скажешь, сэр. Нет, нет, лучше, чем вы, не скажешь.

Пожелав им всего доброго, Эндерби удалился.

– Интересно, кто на самом деле убил беднягу? – пробормотал он себе под нос. – Не думаю, что наш друг Эванс. Скорее действительно грабитель. Ничего особенного, если так. Вроде и женщин тут никаких не замешано, а жаль. Нужно какое-то сенсационное обстоятельство, а то история скоро заглохнет, и тогда плакала моя удача... Нет, надо проявить себя, это же впервые я наткнулся на такое дело! Чарлз, дорогуша, у тебя есть шанс! Выжми из него все! Наш вояка, я вижу, скоро станет совсем ручным, если я, конечно, буду к нему достаточно уважительным и не буду забывать говорить ему «сэр». Интересно, не имел ли он отношения к Индийскому мятежу⁸? Нет, конечно, нет: недостаточно стар для этого. Но вот Южно-Африканская война⁹ – это подходит. Порасспрошу-ка его о Южно-Африканской войне, это сделает его совсем ручным.

Размышляя обо всем этом, Эндерби медленно направился назад, в «Три короны».

⁸ Имеется в виду Индийское национальное восстание 1857—1859 гг., с большой жестокостью подавленное англичанами.

⁹ Англо-бурская война 1899—1902 гг., в результате которой впоследствии образовалось государство Южно-Африканский Союз.

Глава 9

«Лавры»

От Экземптона до Эксетера поездом ехать примерно полчаса. Без пяти двенадцать инспектор Нарракот звонил в парадную дверь «Лавров».

Это был несколько обветшавший дом, несомненно нуждавшийся в срочной покраске. Сад вокруг него был запущенный, калитка криво висела на петлях.

«Не очень-то тут располагают деньгами, – подумал про себя инспектор Нарракот. – Очевидно, в трудном положении».

Он был довольно беспристрастным человеком, а расследование свидетельствовало: маловероятно, что капитан убит каким-то своим врагом. С другой стороны, как он понял, четыре человека получали значительные суммы благодаря смерти старика. И передвижение каждого из этих четверых должно быть тщательно изучено. Запись в книге регистрации гостиницы наводила на размышления, но, в конце концов, Пирсон – фамилия распространенная. Инспектор Нарракот не собирался делать слишком поспешных выводов и наметил себе как можно быстрее и шире провести предварительное следствие.

Небрежно одетая горничная открыла дверь.

– Добрый день, – сказал инспектор Нарракот. – Пожалуйста, мне миссис Гарднер. Это в связи со смертью ее брата, капитана Тревиляна. – Он намеренно не вручил горничной своей официальной карточки, зная по опыту, что человек становится скованным и косноязычным, когда ему известно, что он имеет дело с офицером полиции. – Она получила сообщение о смерти брата? – как бы между прочим спросил он, когда горничная отступила, пропуская его в прихожую.

– Да, она получила телеграмму. От адвоката, от мистера Кирквуда.

Горничная провела его в гостиную – комнату, которая, как и наружная часть дома, остро нуждалась в том, чтобы на нее потратили немного денег, но тем не менее обладала какой-то атмосферой очарования, конкретизировать которую инспектор был не в состоянии.

– Должно быть, удар для вашей хозяйки, – заметил он.

Девушка, казалось, не слишком внимательно отнеслась к его словам.

– Она редко с ним виделась, – ответила она.

– Закройте дверь и подойдите сюда! – Инспектор решил испытать эффект внезапной атаки. – В телеграмме было сказано, что это убийство?

– Убийство! – Девушка широко раскрыла глаза, в них были и ужас и восхищение. – Он убит?

– Да, – сказал инспектор Нарракот. – Я так и полагал, что вам это неизвестно. Мистер Кирквуд не стал усугублять неприятность для вашей хозяйки. Вот так, милочка. Как вас зовут, между прочим?

– Беатрис, сэр.

– Так вот, Беатрис, сегодня об этом все равно сообщат вечерние газеты.

– Ну и ну! Убит! Страх-то какой! – сказала Беатрис. – Голову ему проломили, или застрелили, или еще как?..

Инспектор был удовлетворен ее интересом к деталям и как бы невзначай проронил:

– Я слышал, что ваша хозяйка ездила вчера днем в Экземптон.

– Ничего я об этом не знаю, сэр, – сказала Беатрис. – Хозяйка выходила днем за покупками, а потом пошла в кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.